Николай КОНОВСКОЙ

Предощущение грозы

СТИХИ, СОЧИНЁННЫЕ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ КОРОНАВИРУСА

…Было – стремленье
в беззвёздную высь, –
Бога не видя во встречном…
Жаль, что всего человечества жизнь,
Как ни крути, но конечна.

Выдохнула преисподняя зло,
Стало минувшее зраком.
Землю и жизнь на земле облегло
Непроницаемым мраком.

Слёзы роняет нескошенный злак.
Тускло гроза шевелится.
Бьётся крылами о мертвенный мрак
Сердца безумная птица.

Детски лукавы и детски просты –
То-то наука тетерям! –
Вот и достигли мы красной черты,
В Бога и чёрта не веря.

Грому сродни над равниною тишь
В тяжкий удушливый вечер…
Что ж ты,
как вкопанный в землю, стоишь?
Что ж ты дрожишь, человече?

КРОВЬ ГРАНАТА

Лишь зной да пение цикад,
Да мы на воле –
Где чайки белые кружат
Да плещет море.

Владычица моих забот,
Как свет прекрасна, –
Ты разломила спелый плод,
Бордово-красный,

Когда-то, словно тайна тайн
На райском древе
Висевший, ввергнувший в соблазн
Праматерь Еву…

В темнице тесной изнемог,
И счастьем жизни,
Горячечною кровью – сок
На руку брызнул.

Как веющий над нами рок,
Дыханье рока, –
О, как таинствен и глубок
Сей дар востока!

…И растворившись, не умру,
Но с лаской прежней
Огонь губами соберу
С ладони нежной…

И моря плеск, и полдня зной
Живут любовью…
И мы повязаны одной
С тобою кровью.

ЗВЕЗДОПАД

Сосны да ели. Кругом ни души.
Даже не снилось –
Как мы с тобою пропали в глуши,
«Затихарились».

В завтра ли верим иль прошлое ждём? –
Вот оно, рядом,
Под августовским холодным дождём –
Под звездопадом.

Птица не вскрикнет, не скрипнет крыльцо.
Тих и бесплотен,
Нежно твоё омывает лицо
Ливень Господень.

Руку свою милосердную дай,
И в мирозданье –
Веришь в приметы – возьми загадай
Быстро желанье.

Нету ответа, плутает тропа
В холоде звёздном…
Жалко, что поздно свела нас судьба,
Слишком уж поздно…

Палой листвы пробирает вино
Пьяно, до дрожи…
Встретились поздно с тобою мы, но
Встретились всё же.

Держит в покорности рока узда
Душу и тело…
Словно сгоревшая в небе звезда –
Жизнь пролетела.

ЕДЕМ И ЕДЕМ С ТОБОЙ…

По исчезающим вехам –
Счастье ли это, беда –
Ехать с тобой бы и ехать,
Ехать – незнамо куда.

По сторонам чтоб сияло
Зарево березняка,
Чтобы покорно лежала
В тёплой ладони рука…

Реки, пологие склоны,
Плавные выступы гор –
Как материнское лоно
Этот бескрайний простор!

Рваная скорость движенья,
Ветер, свистящий у лба, –
Словно бы из окруженья
Вырвалась наша судьба!

Сели и снова пропали,
Взвились вороны с креста
В незамутнённые дали –
Вечности русской врата.
……
Днём угасающим летним,
Упоены красотой
Невыразимою, – едем,
Едем и едем с тобой…

ОХРИСТО-КРАСНЫЙ ЗАКАТ

Охристо-красный закат
Смотрит в пустеющий сад.
Крепче забористых вин –
Смешанный с охрой рубин.

Смешанный с охрой рубин
Ведает только один
О бушевавшей в крови
Страсти запретной любви…

Прикосновение рук.
Сердца испуганный стук.
Трепет истаявших плеч.
Мука несбывшихся встреч.

Платом простёрт над судьбой,
Всё покрывает собой, –
Словно бы ночи не рад –
Охристо-красный закат.

В НОЧНОМ ЭКСПРЕССЕ

Всё кануло: и смех, и слёзы –
Две капли вешнего дождя.
А ныне – в мрак слепой увозит
Состав – от жизни и тебя.

Колёс лишь стук да отблеск стылый
Луны, да в сердце залегла
Томительно-гнетущей силой
Нерассветающая мгла.

Лишь свист гудка, да запах дыма
Кружит, как хищник, тяжело…
Но что-то вдруг неотвратимо
В грудь острой жалостью вошло,

Повисло над проклятой бездной…
Как хочешь – так и назови
Страдания и свет небесный
Испепеляющей любви.

ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ

Грохочет твердь,
расщеплен молньей ствол;
Простёрлась ниц, дрожит листва сырая…
Душа в слезах ли? в муке подошёл
Безбожный мир к немыслимому краю?

Звезда Полынь накроет с головой
Знамением божественного гласа.
Но всё ж ни Сын, ни ангелы Его
Не ведают – ни дня того, ни часа…

И чью-то память возвратит в года,
Когда – новорождённою звездою –
Земля была безвидна и пуста.
И Божий Дух носился над водою.

КАМЕНЬ

Так бездыханен мрак густой,
Везде такая ночь,
Что только утренней звездой
Их можно превозмочь.

Огонь затеплишь, выйдешь в сад,
В саду – ни ветерка.
В угрюмой бездне тонет взгляд…
О, где твоя рука?

Но словно в памяти горит
Далёкое окно.
И ничего не говорит –
Всё сказано давно.

Но въявь содеянное зло
Настигло – не дохнуть:
Былое на сердце легло
И камнем давит грудь.

То – пала на душу полынь,
Но не достигла дна…
О, камень-сердце, камень-жизнь
И камень-тишина!

ДАНЬ

С опальным не знаться –
Что тлеющий голос стыда? –
Не Бога бояться –
Бояться людского суда;

И, видя, – не верить,
И в мире, идущем на слом,
Все чувства поверить
Холодным угрюмым умом…

Но всё ж не слукавить:
Судьбу – иль провиденью дань? –
Зачем-то поставить,
Томясь, на безумную грань!

МОРОК

Забывчивы рощи,
Рассеянны склоны.
И, застя свет белый нам,
Вьются вороны.

Увидят деревья,
Как ищет устало
Печальное тело
Духа начало.

И ангелы пели нам,
Бесы кружили…
Ну, вот мы приехали,
То есть, приплыли;

И вдрызг разлетелся
Старинный вчерашний
Простор – из руки
Выпадающей чашей…

И впился без спросу
В горячий висок
Густеющий, алый,
Живой голосок…

КЛЮЧ

Осенний лес, глубокие овраги.
Предвестием блаженства или мук,
Живым ключом, струящимся во мраке
Немой души, – пробился смертный звук.

Звук, вещий звук, божественная птица
Над плотью дня, что зол, и глух и сыр,
Зовущий к неземному устремиться,
Пока стоит, пока не рухнул мир…

ПЕРЕДВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Последний свет,
пробившийся сквозь кроны
Как серебро холодное, лучась,
Ещё горит… О, как потусторонний,
Таинственен передвечерний час!

Как сердца сон, что – если б захотела –
Душа была б не в силах превозмочь…
Как будто бы рассудку нету дела
До той беды, что напророчит ночь.

СОЛНЦЕ

Всё на земле Ты во благо творишь –
Впрочем, того ли хочу я?
Всех унывающих – благословишь,
Смертные язвы врачуя.

Застят и режут Всевидящий Глаз
Грешники – тати, пропойцы…
Светит и смрадом гноящихся язв
Не оскверняется солнце.

ПРЕДОЩУЩЕНИЕ ГРОЗЫ

Кружится вихорь. Гнёт нещадно
Дубравы, путает власы.
О, как смятенно и громадно
Предощущение грозы!

Как птицы – вспугнутые думы,
Взлетевшие на беглый глас…
Так неподъёмно и угрюмо
Застигшее в дороге нас!

Прибоем океанским кущи
Вскипают, а среди дорог –
Подобьем демонским секущий
Завихренный встаёт песок…

То явятся вдруг вспышки света,
Печальные, как образа!
Но проступающее – это,
Приблизившееся, – не гроза.

А это – жаждущее чуда,
Разлившееся полосой –
Непостижимая минута,
Мгновение перед грозой:

Трепещущее тельце птичье,
Напрягшийся звериный рев,
Высокое косноязычье
Нечеловеческих дерев!..

БРОШЕННЫЕ ДЕРЕВНИ

На крыши мёртвых деревень
Тягуче, как смола,
Спустилась ночь, скрывая день,
И обступила мгла.

Бог милостив, а между тем
В покинутой глуши –
Такая ночь, такая темь!..
И ни живой души…

В СОЛНЕЧНОМ НЕБЫТИИ

Полною грудью вдыхаем
Хлынувший веком сквозняк.
Даже, пожалуй, и знаем,
Да не поверим никак,

Что в преблаженной России,
В солнечном небытии
Жить научают чужие,
А предают лишь – свои…

ГОСПОДЬ РАЗВЕ НЕ СОБЕРЁТ?..

Поднялся неистовый ветер,
И сгинула в тучах звезда,
И враг нас рассеял по свету
До Страшного, может, Суда…

О, буйные чада Рассеи,
Живущие наоборот,
Уж ежели враг нас рассеял –
Господь разве не соберёт?..

БЕЗМОЛВНАЯ ДУБРАВА

Подземный огнь.. –
послушай, как гудит
И рвётся в мир…
Помилуй, Боже правый!
Но запретит ему, но оградит
Тебя от бед –
безмолвная дубрава.

Там над главой –
незамутнённа глубь,
Там вышний глас доносится до слуха…
Там на плечах держащий небо дуб –
Явление и слог, и пытка духа…

НАГАЯ СТЕПЬ

Нагая степь… Вникаешь взглядом
В горящую огнями твердь.
И всё закованное хладом –
Предчувствье смерти, а не смерть.

Смежаются устало очи, –
Деревья? призраки? столбы?
Дыханье сна, дыханье ночи,
Дыхание самой судьбы.

Ни запада и ни востока.
Бездонная разверста высь…
И ветер, сумрачно-жестокий, –
Предчувствье мысли, а не мысль…

ПРИБИТАЯ ДОЖДЯМИ ПЫЛЬ

С какою болью ни живём,
С бедой какою ни бороться,
Но сокровенное прорвётся
Слезой нежданной – как дождём.

Излившийся сердечный пыл!
О, рощицы, поля и пожни!..
Как чисто пахнет и тревожно
Прибитая дождями пыль!

ТУМАН

Вслед за прохладой ночною –
Недолговечный обман –
Землю укрыл пеленою
Передрассветный туман…

Волглая чаща лесная;
Ветер притих, не дыша:
Словно бы в душу родная
Смотрит другая душа…

Слился бедой и томленьем
Запах божественных роз
С негой умиротворенья,
Запахом русых волос…

ЛУННОСТЬ

Привычное: леса, звезда –
Всё, что лишь смерть из сердца вынет.
Леса, звезда – пройдут года,
Всё те же, – даже вечность минет.

Неверный сумеречный блеск,
Светящаяся глубь сквозная!..
И что-то, высшее небес…
Пространнее, чем твердь земная…

ПРИКОСНОВЕНЬЕ

Полдневный жар. Мерцание ракит.
Светящееся золото остожий.
Горит в дали дрожащей, предстоит
Мир пред тобой –
непостижимый Божий.

Пронизанное вечностью насквозь
Глубинное печальное раздолье,
Навстречу каждым взгорком подалось,
Наполнив грудь неразделённой болью…

Леса, поля, погостов тихий свет,
Сгустившейся грозы предощущенье –
Свершённое душой чрез толщу лет
Прощальное уже прикосновенье…

ЛЕТНИЙ НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Тайно, тепло и отрадно –
Где-то уж невдалеке –
Дождик поёт на невнятном,
Смутном своём языке.

Льётся с тревогой неложной
В кроны разросшихся ив,
Перерастает в тревожный
И неотступный мотив…

Вздох? замиранье? удушье? –
Бедному сердцу невмочь.
…Словно за близкие души
Кто-то молился всю ночь.

ПОРОЮ ЗЫБКОЙ ПРЕДРАССВЕТНОЙ

Не о грядущем вопрошать
В дремучей благостыни лета! –
По смутному наитью встать
В рань, до предутреннего света.

Трава росиста, воздух сыр.
В низинах – хладный запах тленья.
Но вслушаешься: Божий мир
Как бы исполнен песнопенья.

И ширится, как утро, грудь,
И, сонная, очнулась птица.
И мир Божественный дохнуть
На тварное – как бы боится.

И утреннее озерцо,
Курящееся из тумана, –
Как бы родимое лицо,
Представшее чрез тьму обмана…

И дышит свет, и тает ночь
Над родиной твоею бедной…
Чего ещё хотеть и мочь
Порою зыбкой предрассветной,

Где дух свободен, как звезда,
Взошедшая над горней высью,
Где плоть безгрешна и чиста
Душа, не тронутая мыслью…

Любовь СТОЯНОВА

На сквозняке истории

* * *

Устал мужик.
Пришёл домой со стройки
Какого будущего – Богу лишь известно.
Жена – на кухне. Запах лука стойкий…
Лёг на диван – своё святое место.

Врубил экран.
Стрельба на всех каналах,
Накачанные губы, бюсты – гири…
Всё на продажу! И девятым валом
Накрыла мерзость.
Мозг – мишень. Как в тире.

И шоумен, как бабочка, порхает,
И пальчиком грозит ему из зала,
И дряхлые певицы подпевают –
Ласкает похоть юного амбала.

Про честь и совесть –
лысый вездесущий
Всё лепит – и ему экрана мало…
И щедрый соловей на сон грядущий
Всех баснями накормит до отвала.

– Пошли вы все!.. –
сказал мужик по-русски,
Размял в тарелке жёлтую картошку,
И постным маслом
подбодрил капустку.
– Устал я шибко,
подремлю немножко…
Когда же мы закончим эту стройку?..

* * *

– Привет, – сказала я, придя к врагу, –
Давай душе твоей я помогу
Простить меня и возлюбить меня,
Ведь проржавела старая броня
Из ненависти, злобы и обид…
Спеши, мой враг,
всем переход – открыт…

Мой враг подумал, руку мне пожал…
Увидела, как вдруг сверкнул кинжал…
Забилось сердце. Шаг вперёд – беда.
В глазах врага: «Ты зря пришла сюда…».
Хранитель-ангел руку ту отвёл…
Мой враг заплакал. В переход вошёл.

ИЗ ЦИКЛА «КАРАНТИН»

Извечно: рукотворные дела
Приобретают символ высшей тайны,
Ниспосланной с небес как наказанье.
Ложь отмывают «прачки», добела.

Потом подсохнет на ветрах –
Восточных, западных,
и северных, и южных…
Её погладят, и в усильях дружных
Расстелют, словно скатерть на пирах.

И пир среди чумы затеют снова,
И ложь как символ коронует мир.
А под столом хихикает сатир –
Слепит его блестящая обнова…

ЮРИЮ КУЗНЕЦОВУ

Ты пил вино из черепа отца,
Мы кости предков в ступе растирали.
В историю мы не с тонкого конца
Вошли, но мы о том не знали.

Не отпускал туманный лабиринт,
Но Ариадны не было под боком…
Душа с тех пор страдает и болит,
А лабиринт взорвали ненароком.

* * *

Предательство сломало мне крыло.
Оно срасталось долго и болезненно.
Взлететь хотела – противоестественно
Куда-то вбок меня поволокло.

И так жила я – на одном крыле.
И только в снах, как прежде, я летала.
И с горечью душа моя узнала,
Как жить – бескрылой птицей – на земле.

Предатели в мой дом вчера пришли.
Рыдали: «Каждый глупость совершает,
Но даже Бог всех грешников прощает!..
Раскаяться мы мужество нашли!..».

Простить смогла.
Обнять – крыло мешает…

* * *

На сквозняке истории стою.
А ветер дует с севера и юга.
В мои-то годы снова на краю!
Но за спиной уже не будет друга.
Сдувает ветер века имена,
Тех, с кем мне
посчастливилось родиться.
Война в душе и на земле – война.
И исчезают праведные лица…

* * *

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут и свобода
Нас примет радостно у входа…
А.Пушкин

Оковы пали, рухнули темницы.
И никому покой уже не снится.
Законы – в топку. Взломаны замки,
Открыты рты, на воле – языки.

На дыбе – Вера, плоть терзает душу,
И в алчности трясёт её, как грушу.
Мечи перековали на орала.
Толпа орёт: «И этого нам мало!».

Менталитет меняет на ходу,
Не ведая – она уже в аду.
И ждёт её – в небытие – у входа
Старуха дряхлая, беззубая свобода…

* * *

Я мудрой – родилась.
И мудрым было утро.
И первый крик.
Он – знак страданий впереди…
И падал тихий лист
багряным перламутром,
И слово дал Господь,
и прошептал: «Иди…».

И я вступила в мир – всё делая, всё зная,
С младенческих шагов
предвидя все грехи.
И я была в пути слепая и глухая
К тому, что не моё,
не прорастёт в стихи.

Ни золото, ни власть
мой смысл не потревожат.
До серебра висков –
лишь серебро кольца.
Соблазны всех веков
мне душу не стреножат,
Я не прошу за Дар – алмазного венца.

Таинственный тот Глас
я и сегодня слышу:
«Спасает лишь любовь.
Всё остальное – тлен…»
Багряный тихий лист
опять порхнул на крышу,
И мальвы под дождём
склонились до колен…

Я Слово пронесла
сквозь жар десятилетий…

* * *

Деревья – большие зеленые птицы.
Их крыльям просторно и перьям легко.
И каждая к небу и солнцу стремится,
Но лапы их – корни – в земле глубоко.

За что они держатся там, неизвестно.
Но им недосуг выбираться на свет,
И птицам-деревьям
не двинуться с места,
К тому же тяжел волокнистый скелет.

И дерево-птица, большая-большая,
С гнездом, опустевшим
в развилке ключиц,
Качает ветвями, на юг провожая
Летящие клинышки маленьких птиц.

Крюк не велик, и дорога моя легка:
Еду домой – посмотреть, как цветет ирга.

ДЕРЕВО НА ЗАКАТЕ

Дерево на закате, иди ко мне.
Встанем с тобою вместе –
спина к спине.
Встанем с тобою рядом – плечом к плечу.
Ты не умеешь? Я тебя научу.

Дерево на закате горит огнем.
Дерево! Мы с тобою сгорим вдвоем.
Это этап, а совсем не конец пути.
Дерево, ты научило меня расти.

Мы вознесемся к небу в столпе огня.
Дерево на закате, дождись меня.
Как выдавать за верность
жадность свою и жалость?..
Если и было сердце,
в черную точку сжалось.

Если и были крылья,
моль до костей сглодала.
Как говорить о книгах?..
Есть холодок металла
в голосе,
в чувствах, в мыслях.
Это ли не спасенье
от маяты весною
или хандры осенней?

Это ли не награда
за все тревоги в прошлом?

Полина ГРОМОВА

И встанет на место Солнце...

* * *

Видела горы. Стоят в голубых снегах.
Острые пики теряются в облаках,
Будто бы Бог возьми да и потяни
Краешки накрахмаленной простыни.

Видела степи.
Лежат, словно калачи,
Вынутые хозяйкою из печи.
Бронзовые на солнце – такая сласть!
Даль карамельной корочкой запеклась.

Видела море. Плещется. В берегах
Тесно ему, но не выйти из них никак.
Бьется прибой и камушками, на вид
Словно соленый арахис,
хрустит, хрустит…

Видела многое. Большее – впереди.
Только настало время свернуть с пути.
Встанем с тобою вместе –
судьба к судьбе.
Дерево! Ты не идешь?
Я иду к тебе.

ТЕНЬ

И повторял я имена,
Забытые землей.
Ю.Кузнецов

Однажды я отбросил тень –
Морокой меньше стало.
Но тень упала на плетень
И прутья поломала.

Плетень царь-птица стерегла,
Чья песнь от века длится.
На птицу тень моя легла –
И онемела птица.

Тень потянулась за моря,
К широкой горной длани.
Легла на камни тень моя –
И содрогнулись камни.

Из всех щелей полезла мгла,
Завыло под полами.
На пламя тень моя легла –
И захлебнулось пламя.

И вышло множество зверья,
Что раньше жило скрытно.
Легла на землю тень моя –
Земли не стало видно.

Господь мне шепчет: «Подбери!
Такое кто ж бросает?..».
А я смотрю на тень. Внутри
Нее звезда сияет.

* * *

Как говорить о книгах,
если их не читали?..
Как выдавать за слезы
капли застывшей стали?
Только вот почему-то
кажется, будто брошен –
Богом, людьми, собою –
ты посреди пустыни.
Как говорить о книгах,
если они – святыни?..

* * *

Ряд молчаливых сосен
ровно стоит и гордо,
Даром что их подножья
жжет желтых кленов пламень.
Вплоть до последней буквы
временем надпись стерта.
Имя уже не носит
старый могильный камень.

Люди так любят камни –
строят из них жилища,
Делают монументы,
памятники, надгробья.
Камни смеются:
люди
тщетно бессмертья ищут,
Память о них растает,
будто бы снега хлопья.

Камни хохочут:
люди будут на все готовы,
Лишь бы в живых остаться,
только вот – незадача.
Стань же не камнем, смертный.
Делом стань или словом.
Так обретешь бессмертье.
Так – и никак иначе.

Если же это сложно,
если ты слишком слабый,
Стань частью мира – лесом,
доли не выбирая –
Чтобы осенним утром,
гордо раскинув лапы,
Вытянуть ствол до неба –
и не гореть, сгорая.